

— Чжун Ли, послушай, что скажу... — заплетающимся языком бормотал Хуа Тянь.

Чжун Ли и призрачный слуга тащили его под руки в спальню, а он хмельно размахивал руками и нёс всякую околесицу.

— Да здесь я, здесь, — Чжун Ли силой повернул его голову к себе.

Хуа Тянь умудрился принять молчаливого призрачного воина за своего телохранителя и уже добрых полчаса изливал ему душу. Лицо несчастного слуги то бледнело, то зеленело от такого панибратства, но он терпел. В конце концов Чжун Ли сжалился и решил подать голос.

Хуа Тянь бесцеремонно схватил Чжун Ли за щёки, притянул ближе и долго всматривался в его лицо, силясь сфокусировать взгляд. Наконец, признав соратника, он глуповато ухмыльнулся:

— Чжун Ли, послушай...

— Слушаю-слушаю, — отмахнулся тот.

— Мне... мне так паршиво! Моя ненаглядная, моя подружка детства... бам! И нет её больше! — вспомнив о своём горе, Хуа Тянь жалобно шмыгнул носом. Не вынеся душевных терзаний, он уткнулся лицом в грудь Чжун Ли и принялся тереться о его глухой воротник, беззвучно прося утешения.

Чжун Ли, не привыкший к подобным нежностям, брезгливо отлепил хмельного господина от себя и перевесил его обратно на плечо призрачного воина.

— Только сопли свои об меня не вытирай.

Слуга с видом великомученика покорно принял на себя весь поток пьяных слёз и стенаний.

— Какие ещё сопли! — возмутился Хуа Тянь. Он размашисто утёр лицо рукавом и сунул мокрую ладонь прямо под нос Чжун Ли. — Это слёзы! Чистые, святые слёзы!

— Да-да, конечно, — поддакнул тот, мечтая лишь об одном — поскорее запереть этого пропойцу в покоях.

Оказавшись в спальне, Хуа Тянь утихать и не думал. Он мёртвой хваткой вцепился в скомканное одеяло, вообразив, будто обнимает Лань Цзыцзюня.

— Брат Цзыцзюнь, ну скажи им! Объясни этим невеждам, что это за слёзы!

Ответом ему была тишина. Но хмель требовал справедливости. Хуа Тянь резко сел на постели и грозно уставился на притихшее одеяло:

— Брат Цзыцзюнь! Почему ты молчишь? А ну отвечай!

Понимая, что если не вмешаться, этот допрос ватного чучела затянется до утра, Чжун Ли поспешил подыграть:

— Всё, ложись. Мы уже поняли, что твои слёзы святы. Спи давай.

Получив желаемое одобрение, Хуа Тянь довольно хмыкнул, повалился на подушки и мгновенно заснул, оглашая комнату залиvistым храпом.

«Пить не умеет, а туда же», — раздражённо подумал Чжун Ли.

Он уже второй раз за последнее время тащил этого горе-собутыльника на себе и мысленно поклялся больше никогда не наливать Владыке ада ни капли. Натянув на него одеяло, Чжун Ли задул свечу, тихо прикрыл за собой дверь и вернулся к прерванному застолью.

Вскоре ночная мгла окончательно укутала Дифу. Суэта улеглась, и Подземное царство погрузилось в глубокий, мёртвый сон.

Глубокой ночью Хуа Тянь резко сел в постели. В туманный мозг настойчиво постучалась естественная нужда. Кое-как натянув туфли, он поплёлся во двор справлять малую нужду.

Облегчившись, он немного протрезвел. Запрокинув голову, Хуа Тянь уставился на чистую, холодную луну. Её сияние смутно напоминало чей-то взгляд.

Постойте-ка...

«Кажется, я что-то упустил...» — он несильно хлопнул себя по лбу.

Где Живое Непостоянство, которого он оставил в своих покоях?

Хмель окончательно выветрился. Хуа Тянь поспешил обратно в спальню.

Он перерыл всё. Раскидал постель — пусто.

Заглянул под кровать — никого.

Распахнул платяной шкаф — тоже ни души.

«Куда он мог подеваться?» — Хуа Тянь опустился на табурет, напрягая память. — «Ах да, загон для скота!»

О сонливости не было и речи. Он пулей вылетел из дома и бросился к хозпостройкам.

Едва приблизившись к ветхому навесу, он уловил тихий, надсадный кашель. Этот глухой, едва живой звук мгновенно разжёл в груди Хуа Тяня ярость. Он ворвался внутрь, готовый разразиться бранью:

— Я же велел тебе сидеть в тепле! Какого чёрта ты опять притащился...

Хуа Тянь собирался высказать Черному непостоянству всё, что думает о его упрямстве, но осёкся на полуслове. Воздух застрял в горле, а мысли пустились вскачь.

Черное непостоянство висело под самой крышей, подвешенное за связанные грубой верёвкой запястья. С него стащили свободное верхнее одеяние, обнажив худое, испещрённое старыми и свежими рубцами тело. По густо напудренным щекам, смешиваясь с дешёвыми румянами, бежали грязные дорожки слёз. На тонких губах застыла слабая, заискивающая полуулыбка, которая выглядела чудовищно в этой убогой кошаре.

Для Непостоянства эта улыбка давно стала защитным панцирем. На востоке говорят: «Не бьют того, кто кланяется с улыбкой». Но когда кланяешься слишком низко, тебя перестают считать за человека. Слишком кротких бьют чаще и охотнее — просто потому, что они не умеют давать сдачи и покорно сносят любые издевательства.

— Только не по лицу... умоляю, не надо по лицу... — хрипло зашептал висящий, даже не поднимая головы. Он принял вошедшего за очередного мучителя.

От этой картины у Хуа Тяня помутилось в глазах, к горлу подступила горячая ярость. Схватив валявшийся в углу серп для травы, он одним взмахом перерезал натянутую верёвку.

Тело Живого непостоянства рухнуло вниз. Хуа Тянь едва успел подставить руки, ловя его. В его объятиях Живое Непостоянство показалось лёгким, точно сухая ветка. Измождённое, истощённое тело состояло, казалось, из одних только острых костей — выпирающие рёбра больно врезались Хуа Тяню в ладони.

Только в момент падения Черное непостоянство разглядело своего спасителя. Оказавшись на руках у Хуа Тяня, этот пария, давно растерявший остатки гордости, вдруг устыдился своего убожества. Он судорожно прикрыл лицо ладонями.

Хуа Тянь был единственным во всём Дифу, кто не плевал ему в след и не смотрел свысока. И

вот теперь он видит его в таком скотском положении. Наверняка у него внутри всё перевернётся от отвращения.

Впрочем, какая разница? Ему не привыкать. Все новоприбывшие в преисподнюю поначалу жалели бедного Непостоянства, но быстро перенимали повадки остальных: либо начинали брезгливо воротить нос, либо, устав терпеть насмешки из-за дружбы с юродивым, принимались колотить его пуще прежнего, чтобы доказать свою силу.

Пусть лучше презирает сразу. Живое непостоянство слабо оттолкнуло Хуа Тяня, сполз на загаженный пол и забился в угол, подогнув колени:

— У меня... грим потёк. Не пачкайте взоры своей светлости этим непотребством. Уходите, господин, прошу вас.

Хуа Тянь молча стянул с себя плотный парчовый халат и набросил на худые, дрожащие плечи бедняги. Игнорируя его жалкие попытки отстраниться, он спросил ровным, зловеще тихим голосом:

— Кто это сделал?

Вместо брезгливого пинка он получил тепло чужой одежды. Хэй Учан сжался ещё сильнее, не смея поднять глаз — его неумелое притворство трещало по швам.

— Никто, господин, правда, никто... — залепетал он, пытаясь отползти, словно слепой щенок. Наткнувшись на сапог Хуа Тяня, он торопливо сдёрнул с себя халат и сунул его обратно владельцу: — Возьмите, я только испачкаю вашу вещь...

Прежде чем Хуа Тянь успел его перехватить, бедолага юркнул в темноту и растворился среди теней.

Хуа Тянь тяжело вздохнул, глядя на брошенный халат. Он понимал, какой животный страх руководит каждым движением этого несчастного, и не стал преследовать его. Сжав кулаки, он поплёлся к покоям Чжун Ли.

Тот никогда не запирал двери на ночь. Идеальное укрытие для того, кто привык спать вполглаза, и отличная мишень для чужой ярости. Хуа Тянь даже не подумал постучать — он с размаху вышиб дверь ногой.

Реакция бывалого воина не подвела Чжун Ли. Ещё до того, как подошва коснулась дерева, он уже был на ногах. Схватив лежавшую у изголовья тяжёлую дубину, он, подстегиваемый гневом от прерванного сна, наотмашь опустил её на силуэт в проёме.

Удар вышел выверенным — достаточно мощным, чтобы лишить воли к сопротивлению, но не

смертельным. Затеpliant лучину, Чжун Ли присмотрелся к распластавшемуся на полу незваному гостю, который тихо подвывал, баюкая ушибленную макушку.

— Владыка?! — так и сел Чжун Ли. Он торопливо отбросил оружие и кинулся поднимать пострадавшего. — Откуда вы здесь в такой час?

— Чжун Ли... скотина ты этакая... — простонал Хуа Тянь, чья голова раскалывалась на части. Перед глазами плыли цветные круги, а вытянутый обвиняющий палец никак не мог нащупать нос телохранителя. — Ты специально решил меня прибить? Хочешь моё место занять?

— Помилуйте, господин, куда мне, — хмыкнул тот, усаживая бедолагу на колченогий стул. — Чтобы судить мёртвых, нужны мозги, а у меня там одна военная муштра.

Хуа Тяню было не до шуток. Он даже не расслышал ответа — в ушах стоял сплошной набат. Этот чертяка Чжун Ли бил профессионально: один точный кистевой замах, и в голове воцарилась девственная пустота.

Сладко зевнув, воин прислонился к косяку, ожидая, пока у Владыки прояснится взор. «Знал бы, что это он, приложил бы посильнее, чтобы до утра проспал», — лениво подумал верный слуга.

Золото, а не подчинённый.

Заметив, что взгляд хозяина преисподней обрёл относительную осознанность, Чжун Ли спросил:

— Так зачем пожаловали среди ночи?

— Помоги мне найти одного мерзавца, — при воспоминании о висящем в хлеву бедняге остатки хмеля окончательно выветрились из головы Хуа Тяня.

Чжун Ли, решив, что дело пахнет важным расследованием, мигом накинул куртку:

— Сейчас, господин. Я мигом в архив, сверюсь с Реестром душ.

— Не нужно, — остановил его Хуа Тянь. — Тот, кто мне нужен, давно не принадлежит миру живых. Это местная нечисть.

Чжун Ли застыл на пороге и смерил Владыку укоризненным взглядом: «И зачем было так нагонять туману? Сказали бы сразу — ищем кого-то из призрачных слуг».

Хуа Тянь лишь злобно зыркнул на него в ответ, всё ещё баюкая ушибленный затылок.

— Да и вообще, вы же здесь закон и порядок, — хмыкнул воин, возвращаясь к столу. — Стоит свистнуть, любой призрачный воин сам приползёт на брюхе. К чему эти ночные поиски?

— Меньше трепли языком и делай, что велят! — рявкнул Хуа Тянь, теряя терпение. Этот упрямый вояка порой бывал невыносим.

— Ладно, ладно, сделаю, — примирительно поднял руки Чжун Ли. — Кто наш таинственный беглец? Как звать?

Хуа Тянь лишь растерянно моргнул:

— Не знаю его имени.

— Ну, тогда доброй ночи, — Чжун Ли демонстративно направился к постели. Искать безымянного духа среди трёх тысяч обитателей Дифу — занятие для умалишённых.

— Постой! Он живёт на скотном дворе, — поспешно добавил Хуа Тянь.

Эти слова заставили Чжун Ли замереть. Он медленно обернулся, и на его лице отразилось понимание.

— А-а... Сяо Цзяньцзянь.

— Цзянь Цзянь... — негромко повторил Хуа Тянь, словно пробуя эти слоги на вкус, будто в них крылся тайный, ускользающий смысл.

Чжун Ли, наблюдая за странной задумчивостью господина, решил, что несчастный пария опять где-то напроказил, и поспешил за него заступиться:

— Господин, этот бедолага — жалкое создание. Если он как-то провинился перед вами, не принимайте близко к сердцу. С него и взять-то нечего.

Хуа Тянь резко развернулся и ткнул пальцем почти в лицо Чжун Ли, его голос дрожал от негодования:

— Не ожидал от тебя такой чёрствости! С каких это пор живые души делятся на благородных и низких от рождения?

Чжун Ли не стал спорить. Он лишь вздохнул и ответил тихо, но весомо:

— Помилуйте, господин. Когда кого-то забивают до полусмерти, а он в ответ лишь глупо ухмыляется, словно напрашиваясь на добавку... Как ещё назвать такое безволие?

— Ты, должно быть, при жизни горя не знал. Никогда не ползал на коленях, вымаливая пощаду, — Хуа Тянь развернулся и зашагал к выходу. Спора не намечалось: сытый голодного не разумеет, и доказывать что-то человеку, не знавшему настоящих унижений, было бесполезной тратой времени. — Логись спать. А завтра приведи его ко мне.

Бросив это, он скрылся в ночной прохладе.

Чжун Ли остался стоять посреди комнаты. Сон ушёл окончательно. «Горя не знал...» — мысленно усмехнулся он. Как легко судить со стороны. Только вот в его собственной жизни никогда не было места этому сладкому слову «покой».

<http://bllate.org/book/18412/1796467>